

Home

Archive

Получать уведомления

rebelzine

«В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринарам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» — Карл Маркс.

Исторический продукт общественных противоречий XX-го вв. — разочарование в идеалах рационализма — видоизменил специфику философии, ее концептуальный строй, где за основу был принят новый (старый?) аналитический подход к рассмотрению социального развития, к рассмотрению действительного человеческого субъекта, его особенностей перед лицом окружающих условий жизни и самих этих условий в соответствии с критической необходимостью критического «переосмысления догматизма».

Постструктурализм, как уже устоявшийся феномен левого толка, связан сегодня с популярным в рядах интеллигенции постмарксизмом (или постанархизмом) через имена югославской школы Праксис (напр. Александр Николаевич Тарасов). Нередко говорят об «устаревшем характере» т.н. ортодоксального марксизма Маркса, Энгельса, Ленина, о несоответствии их подхода современной ситуации, будто полагая, что лишь осовременивание делает настоящее имя науке. Неофиты от постструктурализма, по-видимому, не понимают, что в основе любой добросовестной науки лежат/должны лежать принципы логической последовательности мышления, обоснованность метода познания при помощи правильных способов обзора и разбора, объективность изучения всякого предмета во всех его связях и отношениях, в движении и развитии — то есть материалистическая диалектика.

Это означает, что принимая за основу метод материалистической диалектики, марксистская наука не может быть не современной, иначе это была бы не марксистская наука! Говоря еще проще, важно отчетливо понимать, что используя правильный метод анализа, выводы, сделанные при помощи этого метода, вне зависимости от времени и исторической ситуации, окажутся истинными. В самом деле: доказательство есть переход от посылок, уже ранее принятых, к некоторому новому заключению, истинность которого необходимо следует из истинности принятых посылок. Выявляя наиболее общие законы всякого движения и отталкиваясь от этих законов в процессе познания, диалектика идет дальше своих побед, никогда не останавливаясь на достигнутом, иначе это была бы не диалектика, иначе она попросту превратилась бы в стагнационное созерцание добытой истины.

Но новоявленные философы не смогли оценить существенность одного правила и решили, что раз они не в состоянии найти готовые ответы на новые вопросы новых капиталистических противоречий в содержании работ «ортодоксальных марксистов», раз они не могут обнаружить для себя этот совершенный ответ, то им нужно абсолютно пересмотреть фундамент марксистской методологии, чтобы на основе нового фундамента уж точно построить навсегда данную, навсегда актуальную аксиому, либо же окончательно утвердить ее отсутствие. Каким стал сей фундамент мы с вами и посмотрим.

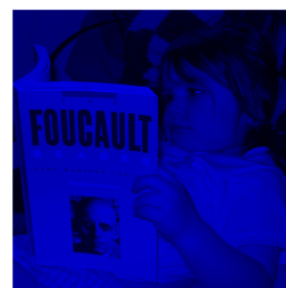
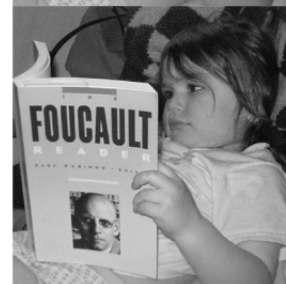
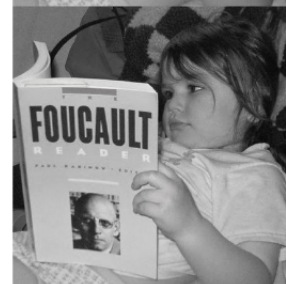
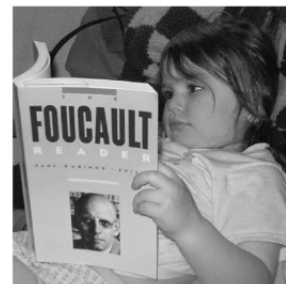

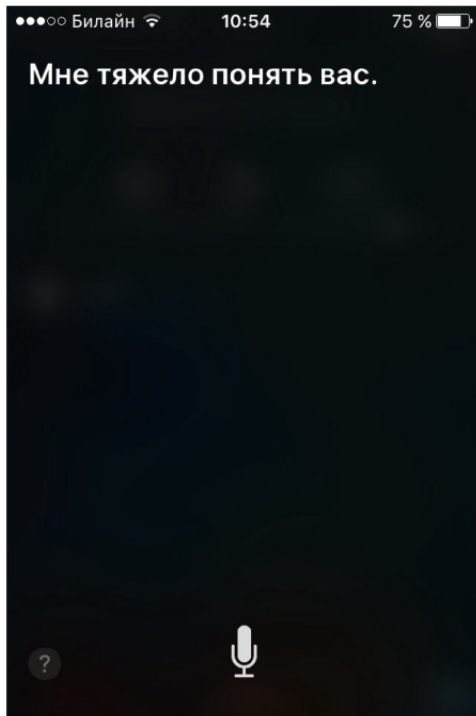
«Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого» — Фридрих Энгельс

Центральный вопрос, который поднимают в своих трудах постструктуралисты, и этот вопрос и пути его решения, так или иначе, классифицируют постструктурализм, дают ему обобщение в известных пределах, несмотря на то, разумеется, что большинство теоретиков данного условного направления в философии имели различные, зачастую диаметрально противоположные, позиции по поводу частных проблем, есть вопрос о тождестве мышления и бытия. Вопрос того, как относятся наши знания и представления, наши модели знания к объективной действительности, если хотите, вопрос о достоверности нашего знания и нашего мышления, и, следовательно, вообще о статусе разума, есть тот главный вопрос, который дает право рассматривать постструктурализм в качестве относительно целостной мозаики и делать, на таковой основе, должное заключение (диагноз?).

Собственно, вот как постструктуралисты представляют себе этот вопрос: «Действительно, прежде вопрос стоял так: как узнать, что знак и вправду указывает на то, что он означает? Начиная с XVII века вопрос формулируется так: как знак может быть связан с тем, что он означает?» и вот как вербализуют свой ответ: «Язык составляет часть великого распределения подобий». То есть философы постструктурализма приходят в своих рассуждениях к эпистемологической неуверенности в научной аргументации знания, ссылаясь на некорректность понятийного содержания языков. Эта исходная, главная идея постструктуралистской критической теории строго систематизирует следующие из ее содержания умозаключения.

Для наглядности смоделируем ход рассуждения постструктуралистских философов. За основу примем умозрительные ситуации, не имеющие легкого логического объяснения — далеко ходить не надо, подойдут апории древнегреческого философа-идеалиста Евбулида из Милета (VI в. до н.э). Итак, все апории Евбулида рождаются вовсе не из логического несовершенства моделей и способов рассуждения, а из самого базиса любой мысли — языка. К примеру, знаменитый «парадокс кучи» прекрасно иллюстрирует высказанную гипотезу, поскольку в основе данного парадокса лежит, очевидно, несовершенство лексических определений наблюдаемых предметов («горсти» или «кучи»). Делез предупредительно указывает нам: «Не следует рассматривать... слова как универсальные понятия, поскольку они являются лишь формальными сингулярностями [единичностями], функционирующими в качестве чистого указателя» («Логика смысла»). В своей классической формулировке, парадокс звучит так: «Если прибавлять по одному зерну, с какого момента появится куча, и значит ли это, что куча возникает в результате прибавления одного зерна?». Постановка вопроса кажется изначально бессмысленной, т.к непосредственно связана с лексической неопределенностью, неполнотой понятия «куча». То бишь, конструирование сугубо концептуального мышления противоречиво даже при условиях логически-корректного алгоритма перехода от посылок к выводу. Причина этому в том, что человечество не обладает еще всеобъемлющим метаязыком. В таком отношении неплохо бы обратить внимание и на следующий тезис Фуко: «Языки находятся с миром в большей степени в отношении аналогии, чем обозначения» («Слова и вещи»).

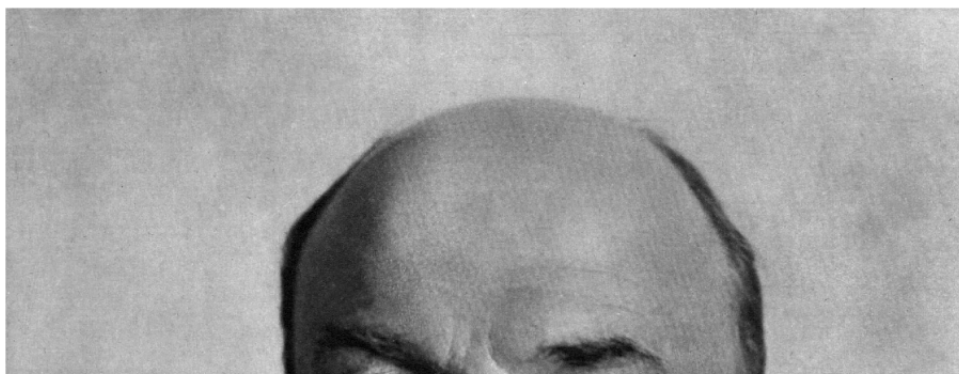
«text»

Соответственно, выявим некоторые положения постструктурализма:

- а) познающий субъект познает движимое развитие материальной реальности через языковой характер мышления, то есть через дискурсивную структуру знаков;
- б) любое наблюдаемое явление описывается (отражается в сознании) в совокупности знаков — тексте;
- в) «Ничто не существует вне текста» (Жак Деррида), если мы говорим о мышлении (см. «а» и «б»);
- г) язык определяет внешнюю форму и логику мышления;
- д) структура рассуждения полностью зависима от семантики (см. «в» и «г»);
- е) процесс развития, единства и борьбы противоположностей, то есть связь и взаимодействие между объектами существующей, динамичной реальности (совокупности текстов), можно, таким образом, представить в качестве принципа «интертекстуальности»;
- ё) понимание любого знака возможно лишь в связи с др. знаками (т.е. контексте) лексической структуры — языка (см. е);
- ж) заключение: процесс познания есть процесс бесконечной интерпретации, который релятивизирует деятельность ума и его выводы («Особенность знания состоит не в том, чтобы видеть или доказывать, а в том, чтобы истолковывать»);

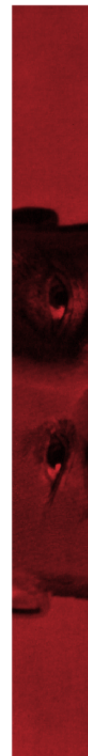
Следовательно, язык будто бы и не может самостоятельно отражать объективную истину. То, что слова являются в большинстве своем неточными, заставляет постструктуралистов, в конечном счете, согласиться с тем, что и язык любой научной теории в той или иной степени неточен. «Объективность» научных описаний, как подчеркивает Гуссерль, не может быть продемонстрирована на субъективном опыте Его и значит язык непосредственно больше не сходствует с обозначаемым им вещами, то есть разные люди мыслят под одинаковыми определениями вовсе не одни и те же предметы. Похожим образом, еще много веков назад уже другой древнегреческий мыслитель, софист Георгий из Леонтины высказывался: «Если сущее и мыслится, то оно неизъяснимо другому, поскольку изъясняем мы посредством слов, а слово не тождественно обозначаемому им предмету и не может его объяснить, поскольку напротив, слово мы объясняем, указывая на предмет». Справедливости ради упомянем, что явной ошибочности приведенного замечания следующим образом противостоит в своем «Людвиге Фейербахе» Фридрих Энгельс: «Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия». Иными словами, чтобы знак был пригодным для использования, необходимо, чтобы обозначаемый предмет материально существовал в самой действительности — иначе нельзя будет говорить о верности такого знака. То есть знаки — это необходимое средство познания и коммуникации. Обозначая предметы, совокупности, свойства, мы связываем наше субъективное сообщение о реальном положении вещей с объективной реальностью.

«ТЕКСТ»

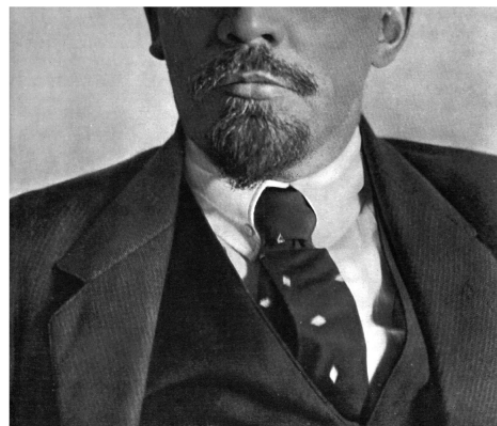
«Логические понятия субъективны, пока остаются «абстрактными», в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе. Природа и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение. Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» — Владимир Ленин.

Ставя под сомнение достоверность научного познания, постструктуралисты пришли к следующему убеждению, что наиболее адекватное постижение действительности доступно лишь интуитивной логике, внерациональным мыслительным практикам, «трагическому познанию» (по Ницше). В контексте постструктуралистского мышления познавательный процесс оказывается в принципе лишь оторванной от какой бы то ни было материи или движения контемплацией. Следовательно, рационально-ориентированные стратегии познания у них подменяются теорией личностного, эмоционального опыта, внеязыковым, непонятным познанием, а это есть суть феноменология. *Zu den Sachen selbst!* В частности Фуко предлагает нам раскрывать истинный смысл вещей на основе метафорического субъективизма опыта: «Истина находит свое проявление и свой знак в очевидном и отчетливом восприятии... Отношение между впечатлениями становится отношением знака к о значаемому, то есть отношением, которое, наподобие отношения последовательности, развертывается от самой слабой вероятности к наибольшей достоверности» («Слова и вещи»). Достаточно заметить, что феноменология имеет дело с соотносительным допуском чистого сознания, с принципом т.н «очевидности» как с основополагающим критерием действительного постижения мира, чтобы сделать вывод: феноменология — это идеалистическое философское направление. Феноменология мыслит феномен вовсе не как буквально наблюдаемую вещь_в_себе, а как имманентную данность нашего сознания, интенционально связанную с самодостоверностью трактующих способностей субъективного Ego. Получается, феноменология в конечном счете есть ни что иное как эпистемологический субъектоцентризм. Она ставит перед собой задачу обосновать, что самосознание есть единственная, как-бы доказуемая, реальность. *Cogito ergo sum.* Гуссерль пишет: «Бытийный смысл предданного жизненного мира есть субъективное образование, свершение опытно познающей, донаучной жизни. Это в ней выстраивается смысл и бытийная значимость мира, и притом каждый раз того мира, который действительно значим для того или иного опытно познающего субъекта» («Кризис Европейских наук и трансцендентальная феноменология»). То есть «мир вещей» словно бы отчуждается от всякого научного метода, от любых абстрактных моделей описания. Все содержание нашего сознания дано как информационный продукт самого этого сознания, а, стало быть, все феномены, выпадающие за грани сознания, и есть нечто, неизвестное этому самому сознанию.

«Исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму («тела суть комплексы или комбинации ощущений»), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира). Для первой точки зрения — агностицизма или немного далее: субъективного идеализма — объективной истины быть не может. Для второй точки зрения, т.е. материализма, существенно признание объективной истины» — Владимир Ленин.

Постструктуралисты полагают знак первичным по отношению к бытию (Жак Деррида), а бытие, стало быть, вторичным. Это тоже не так. Знаки служат попросту для формирования, приближения мыслей об окружающем нас мире к самому этому миру и верному отражению действительности. В «Анти-Дюринге» Энгельс разъясняет: «Понятие фигуры, как и понятие числа, заимствовано исключительно из внешнего мира, а не возникло вовсе в голове из чистого мышления. Раньше чем люди могли прийти к понятию фигуры, должны были существовать вещи, которые имели форму и формы которых сравнивали. Чистая математика имеет своим предметом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, т. е. весьма реальное содержание». Значит, и концепция мира_как_текста оказывается несостоятельной софистикой, что, впрочем, не отменяет самой языковой проблематики, необходимого совершенствования языковых структур. Потребность эта находит свое подтверждение в особенно распространенной логической ошибке «учетверения терминов», то есть употребления среднего термина в большой и в меньшей посылке в различном, не тождественном значении (понятие в одной из посылок относится к одному предмету, имеет одно значение, а в другой — относится к другому предмету и имеет другое значение). Например, развитые капиталистические общества обрисовывают свойственный им режим распространения информации как «свободу слова». Свобода в данном, конкретном случае, понимается пособниками буржуазии не как действительная, фактическая свобода для неудобных верхушке класса капиталистов высказываний, а как формальная свобода для многочисленных лояльных (не радикальных) взглядов: отсюда в силлогизме появляется логическое заблуждение (эквивокация), будто капитализм = свобода слова в ее истинном, не подвергнутом искажению, смысле. Выходит, терминологическая расплывчатость нашего языка иногда действительно служит сутью манипуляций, ложного хода рассуждений и распространенного недопонимания. Для того, чтобы избежать ошибки, нам требуется наличие строгого, научно-доказанного соответствия между объектом и термином умозаключения («принцип однозначности»). Однако вместе с тем язык и сциентистски-артикулированное мышление не тождественны друг другу в абсолютном значении, как видится постструктуралистам. Ни язык логики, ни язык математики точно не требуют при анализе обращаться к непосредственному опыту каждой отдельной личности или к ощущению. Тот факт, что в химическом составе воздуха содержится азот, водород, кислород и некоторое количество др. элементов периодической таблицы химических элементов Д.И.Менделеева, ни коим образом не зависит от моего субъективного опыта или от субъективного опыта окружающих меня людей.

«Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение... Махизм стоит на противоположной, идеалистической, точке зрения и сразу приводит к бессмыслице, ибо, во-1-х, за первичное берется ощущение вопреки тому, что оно связано лишь с определенными процессами в определенном образе организованной материи; а, во-2-х, основная посылка, что тела суть комплексы ощущений, нарушается предположением о существовании других живых существ и вообще других «комплексов», кроме данного великого Я» — Владимир Ленин.

В общем смысле, постструктуралистская философия покоится на ложных основаниях. Что здесь интересно, так это то, что о чем бы мы не рассуждали (политика, социология, экономика и т.д), мы вынуждены принимать те утверждения, что следуют из утверждений предыдущих, которые мы уже успели для себя принять. Правильные модели рассуждения позволяют синтезировать новые знания из уже имеющихся знаний и притом без какого бы то ни было обращения к субъективному опыту. Убедившись, что строение человеческого организма и правила его функционирования вынуждают нас потреблять пищу для того, чтобы выжить, мы, тем самым, лишаем себя возможности утверждать нечто, несовместимое с этим утверждением, например, то, что человек может прожить жизнь без пищи. Однако если аргументы, лежащие в основании наших рассуждений, ложные, то и принятые заключения, необходимо следующие из принятых аргументов, тоже окажутся ложными. Ошибка такого рода называется «ошибкой ложного или сомнительного основания». Опасность применения в доказательствах ложной посылки, состоит в том, что если кто-то не осведомлен о ложности этой самой посылки, то доказательства покажутся ему вполне здоровыми и он, вероятнее всего, примет для себя, вытекающее из такого доказательства, ложное заключение за истину. В качестве аргументов стоит применять лишь истинные аргументы, тогда и только тогда мы имеем относительную гарантию на истинное заключение (при условии правильной логической связи в рассуждениях). В этом же смысле В. И. Ленин писал: «Точные факты, бесспорные факты — ... вот что особенно необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе... Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь». Дабы убедиться в этом, достаточно привести простой пример: в течение многих веков человечество мыслило Землю неподвижным космическим объектом — отсюда господство ложной теории геоцентрической системы мира. Получается, для опровержения системы не требуется доказывать ложность каждого отдельного тезиса, достаточно проследить ее корни и доказать ложность принятых посылок, что и было частично сделано в отношении основного вопроса философии.

АРТЕМ ВИКТОРОВ

/rebelzine